

Хаддадин Валерия Адольфовна

аспирант
Литературного института им. А.М. Горького**ГИ ДЕБОР, ДЖОРДЖО АГАМБЕН:
ДИАЛЕКТИКА КОНФЛИКТОВ
«ГОЛОЙ ЖИЗНИ»
И «ОБЩЕСТВА СПЕКТАКЛЯ»**

Khaddadin Valeria Adolfovna

PhD student,
Moscow Literature Institute**GUY DEBORD, GIORGIO AGAMBEN:
DIALECTICS OF CONFLICTS
BETWEEN «NAKED LIFE»
AND «SOCIETY
OF THE PERFORMANCE»****Аннотация:**

В статье рассматриваются некоторые аспекты межконцептуальной игры в рамках компаративистского анализа работ Джорджо Агамбена и Ги Дебора. Изучается вхождение зое, то есть факта «голой» жизни, в сферу политизации, государства, замена примитивных факторов воздействия на субъект сложносочиненными, концептуальными с целью получения новых способов манипулирования сакральной жизнью этого субъекта. Рассматриваются методы заигрывания с человеком, полностью интегрированным в систему управления. Постулируется разрушение сакральных оснований, значимости каждодневности, созерцательности мира и замена их механическим движением-проживанием и гедонистическим поглощением материальных ценностей. Подчеркивается превалирование образа вещи или события над самой вещью или событием. Культура позиционируется как звено, которая поддерживает связи между традицией и обновлением, «голой» сакральной жизнью и прагматическими, манипуляторскими тенденциями. Метод сосуществования системы и индивидуума понимается как осознанная игра.

Ключевые слова:

межконцептуальная игра, «голая» жизнь, сакральная жизнь, манипуляция, тотализация, общество спектакля, массовое искусство, биополитическое тело

Summary:

The paper reviews some aspects of inter-conceptual game within the framework of comparative analysis of the works by Giorgio Agamben and Guy Debord. The article considers the entry of zoe, i. e. the fact of «naked» life into the sphere of politicization, the state, replacement of primitive factors influencing the subject with complex, conceptual factors in order to obtain new ways of manipulating the sacral life of this subject. The methods of flirting with a person who is fully integrated into the management system are considered. It postulates the destruction of sacred foundations, the significance of everyday life, contemplation of the world and their replacement by mechanical movement-living and hedonistic absorption of material values. The prevalence of the image of a thing or event over the thing or event itself is emphasized. Culture is positioned as a connecting link that supports the connection between tradition and renewal, «naked» sacral life and pragmatic, manipulative trends. The method of coexistence of the system and the individual is understood as a deliberate game.

Keywords:

inter-conceptual game, «naked» life, sacral life, manipulation, totalization, society of performance, mass art, biopolitical body

Если мир перевернуть с ног на голову,
истина в нем станет ложью.

Ги Дебор «Общество спектакля»

Большое количество научных работ в области философской мысли конца XX – начала XXI в. в той или иной степени апеллирует к социологическим и политическим установкам. Недаром в зрелом модерне поднимается вопрос наукологии, принадлежности философии к корпусу многообразных дисциплин, ее наукометричности. Конечно, достоверность эмпирического материала в ней весьма опосредована по сравнению, например, с математикой, физикой, химией, даже филологией, которая имеет дело с четкими структурами языка. Также ярко выражено отсутствие свойств когерентности в концептах постмодернистских исследований. Мозаичность, сингулярность, углубление философской мысли в суть понятий подобно акцентированию физической науки на недоступных простому глазу уровнях расщепления молекулярных частиц стали теми препятствиями, которые, с одной стороны, ставят под сомнение преемственность знания, а с другой – говорят о контрарности научной мысли предыдущих эпох.

Хорошим примером сказанному является доклад Юргена Хабермаса «Модерн – незавершенный проект». В нем он задается вопросом: «В самом ли деле модерн так *passee*, так устарел, как твердят сторонники постмодерна? Или же на всех углах рекламируемый постмодерн в свою очередь только блеф? А может быть, постмодерн – просто лозунг, а за ним незаметно сгущаются настроения, родственные тем негативным эмоциям, которые с середины XIX столетия возбуждал против себя культурный модерн?.. Опознавательным знаком... является «новое», которое устаревает и обесценивается в результате появления следующего стиля с его «большей новизной» [1, с. 8–11].

Вот оно, то ключевое, закравшееся в контекст слово, – «стиль». Приращение смыслов, погружение в атомическую структуру явлений, определений, философских установок на ту глубину, где черное становится белым, мир переворачивается с ног на голову, притянутые за микроскопические крючочки постулаты биологического, социологического и прочих полей, смежных с подземными раскопками философии, превращают, по Дебору, «истину в ложь», располагают мысль на замысловатой корневой системе дерева-ризомы Делёза и Гваттари. Пазлы философских концепций распадаются на плохо коррелирующие друг с другом картинки, сепаратно пребывающие в общем поле философской мысли, которые не подпадают ни под одну фундаментальную онтологию ввиду отсутствия таковой на современном этапе. Но тем не менее интерсубъективность открытий, сделанных в рамках той или иной концепции, впоследствии может «обрасти» эмпирическими подтверждениями, что в свою очередь послужит принятию и утверждению ее в качестве научно доказанной.

Мы сейчас не будем говорить об онтологических основаниях эстетической категории игры, нас интересует игра межконцептуальная в рамках постмодерна. Обратимся к ключевой работе Джорджо Агамбена «*Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*» и коротко рассмотрим положения основного труда французского революционера леворадикального толка, философа Ги Дебора – «*Общество спектакля*».

На наш взгляд, направление рассуждений этих двух ученых хорошо соотносится с классическими установками игры, описанными Йоханом Хёйзингой, а следовательно, является частью философии применительно к определению эстетического способа освоения действительности. Различные игры, организуемые по определенным, явным или завуалированным, но тем не менее правилам, предполагают конкретные пространственно-временные условия и, конечно, удовольствие участников. Их видовое разнообразие поражает: «игра-воображение, игра-представление, игра-состязание, игра-церемония, игра-испытание, игра-тренинг» [2]. Игровые процессы, формирующие элементы культуры, характеризуют и определяют как общество в целом, так и отдельного индивидуума.

Следует обратить внимание на то, что мы рассматриваем работы Ги Дебора и Джорджо Агамбена именно с эстетической точки зрения. На данном этапе развития философской мысли базовые определения сути эстетики обширны и многочисленны, что дает нам полное основание для отнесения компаративистского анализа именно к сфере эстетического, исходя из определения эстетики, принятого в русской национальной школе, согласно которому она предстает как «наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт ее освоения, в процессе (и в результате) которого человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неопишуемой радости, блаженства, катарсиса, экстаза, духовного наслаждения свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним, а часто и конкретнее – с его духовной Первопричиной, для верующих – с Богом» [3, с. 456]. Данное суждение, вернее, базовое разграничение ракурсов рассмотрения дает нам основание для сравнения «Общества спектакля» и зое именно с точки зрения классической отечественной интерпретации сущности эстетики, а следовательно, и роли ее в современных трансформационных процессах.

В предисловии к «*Homo sacer...*» Агамбен задается вопросом о том, «имеем ли мы право (или даже просто возможность) разводить технологии подчинения субъективности и политические техники применительно к власти спектакля и массмедиа, в настоящее время повсеместно преобразующие политическое пространство?» [4, с. 13]. Он рассуждает о том, что философия Фуко, фактически подняв острые вопросы биополитики, обосновав вход зое (факт жизни – авт.) в сферу *polis* (город, государство – авт.), как политизация голой жизни представляет собой значимое явление современности, знаменующее собой радикальную трансформацию политико-философских категорий античной мысли [5, с. 12], однако оставляет эту сферу не до конца исследованной. Власть, опирающаяся на институциональные, традиционные модели, все чаще обращается к сторонним а-юридическим методам и схемам, посредством которых и пытается проникнуть в вышеупомянутое нами зое с целью получения новых способов манипуляции сакральной жизнью субъекта, трансформации его восприятия, жизни как таковой.

Ни для кого не секрет, что одним из самых действенных инструментов управления плебсом на современном этапе развития общества является банковская система, обладающая достаточным набором приемов для манипуляции гражданами. Но наряду с этими, скажем так, очевидными рычаговыми методами существуют более тонкие технологии влияния на сознание. Агамбен говорит о них так: «Современное западное государство в беспрецедентной мере интегрировало субъектные техники индивидуализации и объектные процедуры тотализации» [6, с. 167]. Прimitивный способ воздействия на сознание людей при помощи банковской системы сменяется концептуальными технологиями, опирающимися не на базисные, а на надстроечные потребности индивидуума (большой частью относящиеся к сфере чувственного).

Главным героем книги Джорджо Агамбена «Homo sacer...» выступает упомянутая выше зое, «голая», по определению автора, сакральная жизнь индивида, которого «можно убить, но нельзя принести в жертву» [7, с. 170]. Это очень важное заявление с точки зрения тематики нашей статьи. Нельзя принести в жертву, а значит для государства единственный способ «заработать очки» – играть по своим правилам с предполагаемым субъектом (уже не объектом политической власти), интегрированным в систему, вступать с ним в доверительные отношения, заигрывать с ним, извлекая из этого максимальную выгоду для себя.

С точки зрения философии постмодерна любая организация государственной власти, будь то либеральная или демократическая ее модель, является тоталитаризмом. Современная биополитика, препарирующая государственные методы «обобщения», приведения граждан к некому общему знаменателю, и есть тоталитаризм, даже если это не национализм. Все организации в рамках государства, равно как и само государство, – карательные структуры, в основе которых лежит система принуждения. В рамках этой статьи мы не будем подробно останавливаться на этом тезисе. Достаточно будет сослаться на обширные исследования Мишеля Фуко в этой сфере [8]. Кратко сообщим: всеобъемлющая организация общества в постмодернистском изводе и есть тоталитаризм. Так как же вести себя государству, чтобы управлять субъектами при помощи не только меча карающего, но и изысканных методик, обеспечивающих индивидам ощущение мнимой свободы, включая свободу выбора?

Обратимся к вопросам цифровизации, которые являются крайне актуальными на фоне пандемии 2020 г. и лежат строго в области эстетического знания, в котором главенствующая роль принадлежит духовно-чувственному освоению действительности, Универсума, исследованию и освоению окружающего материального мира посредством духовного познания первоисточников. Что предлагает нам современный этап освоения Универсума? Репрезентацию презентации. Неживое. Вторичное. Не продуктивное взаимодействие с первоисточниками знания – благородным учительством, наставничеством, а вторичную презентацию данного важнейшего пласта человеческого познания. Не тишь библиотек и вдумчивую работу с первоисточниками и непосредственный контакт с носителем знаний, а оцифрованный документ (в лучшем случае), сетевую запись лекции, а в пограничном негативном изводе – урезанный и адаптированный материал на ту или иную научную тему, превращенный в «выжимку», являющий собой постулирование живого знания в удобоваримый коучинг, дающий реципиенту только инструмент для дальнейшего размышления. Как действует любая коучинговая система: прежде всего она требует заинтересованности от оппонента, желающего что-либо познать, воспользоваться инструментарием более знающего, ловкого «старшего товарища». Но она не делает главного: не раскрывает глубин и основ научного знания, лежащего за пределами репрезентируемого, вторичного материала, не указывает на основы, определяемые посредством *живого знания* (курсив – авт.), исходящего от учителя (используя термины Гессе, Мастера, «Мастера Игры»), не передает священного огня постижения, живого обаяния, очарования, глубины, слабо возбуждает интерес к научному процессу. Воспользуются плодами репрезентации лишь немногие ученики – наиболее пытливые, желающие докопаться до фундамента научного знания, тогда как большинство лишь предпочтет получить готовый инструментарий, лишенный чувственного базиса, являющегося основополагающим в эстетическом способе освоения действительности. Знание становится поверхностным, что в свою очередь выгодно мирному тоталитаризму, орудующему в рамках современной биополитики.

Тут мы обратимся к Ги Дебору и его концепту «Общество спектакля». Как организовать законы влияния, которые невозможно измерить эмпирическим путем, но которые так или иначе наличествуют и имеют право на узаконенное существование? Как поймать тот момент перехода кипящей воды в пар по законам перехода количества в качество? Какие методологии применить, чтобы возбуждение и торможение социума не просто демонстрировали наличие существования закона диалектической противоречивости или толстовского «духа толпы», а приносили реальные дивиденды заинтересованному? Какой инструмент избрать, чтобы количество воздействующих факторов от государства перешло в качество реакции субъектов? Спектакль. Организация общества спектакля очень хорошо коррелирует с основными распространенными сегодня настроениями – гедонистическим и потребляющим.

Идентичность отдельно взятой единицы, гражданина в мире современных технологий, к сожалению, достаточно размыта. Неприкасаемые на более ранних этапах развития человечества религиозные и экономические доктрины также подвергаются критике, если не остракизму. Ирония, если она не тушует на зрелых этапах превращения ее в сарказм и цинизм, служит основополагающим и наиболее разрушительным фактором отношения индивида к сакральности и значимости каждодневности, созерцательности мира. Сама жизнь становится механическим движением и гедонистическим поглощением всего и вся при малейших возникающих возможностях. Тем не менее юридически узаконенное противопоставление номоса и фюсиса так или иначе порождает у субъекта чувство вины относительно нормативов тотальности, которые он склонен

нарушать, руководствуясь в большей степени морально-этическими установками, нежели жесткой юрисдикцией. Субъект обретается в тотальности либо «монастыря» (в традиционном, редком в наши времена устройстве общества), либо «экзамена» [9], что свойственно индустриальному и постиндустриальному обществу. Чтобы от этого чувства вины избавиться и показаться субъекту с лучшей стороны, государству необходимы спектакль и игра.

Как говорит Ги Дебор в предисловии к третьему французскому изданию своей книги «Общество спектакля», «производство с гордостью освободилось от всякой заботы о вкусе публики, с тех пор как, сконцентрировав капитал и наращивая технические мощности, оно удерживает монополию на не обеспеченное качеством предложение на всем рыночном пространстве, и со все большей наглостью спекулирует на вынужденном подчиненном положении спроса и потере вкуса, этой немедленной реакции у основной массы потребителей» [10]. Потому так остры и закономерны вопросы различия массового искусства и искусства для граждан и так актуальны для них проблемы восприятия его современной формы (особенно в пространстве постсоветской России). Тяготея к традиционному, логико-семантическому пониманию искусства (что включает в себя как пластические, изобразительные, игровые, так и текстовые произведения), зритель апеллирует к основным понятиям эстетики: прекрасному, возвышенному, безобразному и т. д., укорененным в сознании поколений на основе предыдущих фундаментальных периодов знаний и образования в этой сфере (включая ангажированное искусство социального заказа: однозначно читаемый, «ясный» соцреализм). Поэтому так тяжело воспринимаются среднестатистическим индивидуумом произведения современного искусства. Тут-то и подключается знаменитый маклюэновский принцип «войны и мира в глобальной деревне» [11], причем в местных палестинах современное искусство, к сожалению, не является глубоко базирующимся и отражающим социальные основания, которые присутствуют в западном обществе в силу проживания им иных периодов модерна и постмодерна.

Как в пропагандируемом искусстве для масс, так и в других сферах социальной жизни образ вещи или события начинает превалировать над их реальным воплощением. Истина подлжет профанации, святость того или иного события искусственно преувеличивается, а в случае ее фундаментальных недостатков, наоборот, нивелируется, маскируется. «Высшая степень иллюзорности являет собой высшую степень святости» [12, с. 14].

Вездесущий язык власти приобретает трансцендентную силу, уводя сознание субъекта от фундаментальных оснований, осмысления причин того или иного события. Власть искусственно катализирует привлекательно-эстетическую либо мишурную сторону явления, не давая субъекту установить логико-семантические связи, продумать и прожить ситуацию. Следствием этого становится искусственное замыливание жизненных оснований, отражаемое в социальных сетях, которые стали в настоящее время значимым источником получения информации о мире. По этой же причине востребована в обществе система коучинга, дающего субъекту «костыли» и видимость возможности быть успешным в обществе спектакля, инструкцию к действию для прохождения «экзамена» на позицию в компании, обществе, мотивирующего на «успех», лишенный онтологических оснований и вчувствований.

«Образы, оторванные от различных аспектов жизни, теперь слились в едином бурлящем потоке, в котором былое единство жизни уже не восстановить. Реальность, рассматриваемая по частям, является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдо-мира, доступного лишь созерцанию. Все образы окружающего мира собрались в самостоятельном мире образов, насквозь пропитанном кичливой ложью. Спектакль вообще, как конкретное отрицание жизни, есть самостоятельное движение неживого» [13, с. 13].

Тезис «голой жизни» и антитезис ее аранжировки в результате дает нам гегелевский синтез – диалектическое приложение, игру, превращающуюся в онтологический принцип сосуществования диктата тотальности и зое. Это новое видение мира, становящееся объективной реальностью в современном мире, где в игровом поле – индивидуум, утрачивающий традиционные онтологические основания, и тотальность, замаскированная под игру и обретающая магию онтологии.

Возвращаясь к Джорджо Агамбену и его трактовке нивелирования священного, а также к обозначенной им «теории амбивалентности священного», следует вспомнить его слова: «Двойственность священного мыслится аналогично отвержению, которое включает исключая» [14, с. 99]. Агамбен, ссылаясь на Робертсона Смита, упоминает различные виды табуирования (отказ потребления свинины семитскими и мусульманскими верующими, циклическая ритуальная нечистота женщины и т. п.). По его мнению, способы и принципы отторжения лишь подтверждают факт наличия священного. Табуирование в современном обществе поднялось на иной уровень и переводит в разряд отрицания вещи и понятия, лежащие в сфере метафизического: религию, мифологию (которая трансформировалась в неомифологию); корректирует понятия достоинства, порядочности и т. п. Установки современного, плотно стоящего на рационалистических, сугубо материалистических, гедонистических основаниях человека приводят к избытому, но неразрешимому спору о курице и яйце, к духовному обнищанию.

Если ты не веришь в Бога и отрицаешь то, чего нет на самом деле, ты отрицаешь ничто. То есть ты споришь о ничто? Ты веришь в ничто? Что это – ничто? И тут снова обнаруживается колоссальный подвох декартовского масштаба: не веришь в то, чего нет (ты не видишь), или в то, что ты себе представить не можешь, а соответственно, не можешь в него поверить. На этом простейшем заигрывании и софистическом приеме и базируются принципы привлечения большинства людей в игру в масштабах округов, государства, мира: я подарю тебе удовольствия всего мира, только и нужно, что быть в рамках тоталитаризма, гуга «безумия и неразумия», но не в классическую эпоху, о которой писал Мишель Фуко в своей второй работе, а в новую, вооруженную более тонкими эпистемологическими приемами.

Как и в случае с современным искусством, которое большинство российских зрителей не готово воспринимать по причинам непонимания основ и тенденций, приведших к созданию подобных культурных объектов, во время игры с машиной массового нивелирования человек не склонен к глубокому вчитыванию в методологию и находится в проигрышной зоне, поскольку, как правило, ограничивается фундаментальными знаниями метафизического поля и советско-постсоветского отрицания. Некоторая социальная либо философско-эстетическая грамотность, к сожалению, тоже приводит субъекта к игре – более осмысленной, но и более трагической.

Мы признаем колосса и молоха современного мира и верим в них. Не отрицаем прогресс. Гораздо проще отторгнуть практики, олицетворяющие неизменную принадлежность к сфере зое. Отрицая ее, мы отрицаем то самое «пустое место», ничто, не приносящее нам материальных плодов. А что есть прогресс и есть ли у него финиш? Данные интенции модно расценивать как психологические проявления и эмоции, а «реальная» жизнь – вот она: обмен денежных знаков на бутерброды, телевизоры и дачи, что дает возможность комфортно устроиться у мещанского камелька, тщетно вороша в «камине священного» отголоски действительно настоящего, сакрального.

Стоит обратить внимание на само название книги Агамбена «Homo sacer...» – индивидуум, которого нельзя ликвидировать с точки зрения закона, но который может быть уничтожен каждым; человек, «которого можно убить, но нельзя принести в жертву» [15, с. 108]. «Святой и проклятый» – человек, исключенный из области профанного, но не посвященный никакому божеству [16, с. 102]; индивид в сфере права, «чистого», античного извода; агамбенский клещ, прозябающий в теле лабораторного подопытного. «Включение голы жизни в сферу политического составляет первоначальное – хоть и потаенное – ядро суверенной власти. Можно даже сказать, что производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти. В этом смысле биополитика по меньшей мере такая же древняя, как и ситуация суверенного исключения. Таким образом, помещая биологическую жизнь в центр своих расчетов, современное государство всего лишь проливает свет на тайные узы, соединяющие голую жизнь и власть, постоянно утверждая свою связь» [17, с. 13].

Как отмечает Ги Дебор, «история создает относительную автономию культуры и идеологические иллюзии насчет этой автономии. Культура – это место поисков утраченного единства, но тем не менее стремительный подъем познаний об обществе, которые включают в себя постижение истории как средоточия культуры, приобретает в самом себе некое неопровержимое знание, проявляющееся в разрушении Бога» [18, с. 63].

Культура и является тем связующим звеном, которая обеспечивает баланс между традицией и обновлением. Она не может не меняться, поскольку, полностью отделяясь от исторических изменений, будет обречена на стагнацию, равно как и философия, которая пытается объяснить жизнь во всех ее проявлениях, будучи оторванной от политики, общественных установок и условий, и рискует нивелироваться в мертвый научный багаж. Наличие рационального подхода как в культуре, так и в философии послужит гарантом того, что оба этих феномена не уйдут в сферу сухой, бесплодной схоластики, способной ставить вопросы, но плохо способствующей поиску жизнеспособных решений.

Утверждения о конце культуры, равно как и о конце автора, пост-времени и так далее, – преждевременны. Социум, подвергающийся со стороны «общества спектакля» массивным визуальным, контркультурным, направленным на переориентацию мышления атакам, неоднороден. Мы сейчас не говорим о странах, в которых до нашего времени сохранен традиционный уклад жизни, но имеем в виду крупные государства – такие, как Россия, например, где общество разнородно. Многонаселенная столица может являться законодателем социальных тенденций, но это не означает огульного принятия их населением всей остальной территории страны.

Каковы перспективы сосуществования зое и конвейера «общества спектакля»? При определенных условиях, правилах, без которых игра не имеет права на жизнь, возникает установка: не отрицая наличия тотализирующего инструментария политики, власти, государства, не оставлять без внимания и трепетного оберегания зое, сакральное. Баланс на стыке. Игра. Явление жизни в моменте единения.

Просвещение, стоящее на плотном фундаменте традиции и научного знания, может и должно носить всеобъемлющий характер, и это самый очевидный инструмент. Семейное воспитание при этом должно представлять собой не жесткое безапелляционное родительское наставничество, а упорное, трудоемкое пояснение на ежедневной основе, исходя из жизненных примеров и мировых образцов, событий, последствий отхода от естественного и кажущегося «устаревшим» зое.

Просветительская деятельность предполагается в рамках, отличных от всеобщего обязательного образования, во всевозможных лекториях при музеях, театрах, вузах; должна носить всеобъемлющий характер и при отсутствии монетарной составляющей. Возвращение престижа научного знания в пику репрезентативному ловкачеству накладывает определенные обязательства на преподавательский состав, но дело просвещения невозможно оценить в материальном исчислении, если речь идет о духовном здоровье нации, а также о священной обязанности нести знание добровольно каждым уважающим себя хранителем фундаментальных основ.

Третье предложение касается в первую очередь гуманитарных, творческих вузов, в части которых преподают студентам очень важные предметы, такие как «Психология творчества» и «Эстетика», но только на старших курсах. Введение подобных дисциплин на ранних этапах обучения или даже в школе позволит обучающимся задуматься о значении творчества как главной движущей силе вообще – будь то научное, литературное, общекультурное направление. Это даст возможность избежать ошибок, связанных с завышенными ожиданиями от плодов творчества, покажет оборотные его стороны, связанные с рефлексиями непродуктивного толка.

Мы уверены, что содержание данной статьи определит направление для дальнейших исследований, расширения трактовок и углубления обоснований творческой рефлексии, фундаментальности и непреложности чувственного познания, определения первопричин, именно и исключительно не в репрезентативной, вторичной, цифровой подаче, а в традиционно-метафизической, тактильной, первично вербальной и визуальной, лежащей в плоскости сакрального зое.

События общемирового масштаба, связанные с пандемией 2020 г., означают возросшую опасность превалирования тенденций «общества спектакля», трансформации и усечения естественных человеческих интенций и способностей индивидуума в сфере чувственного, эстетического. Переход на цифровые основания с максимальным использованием существующих сегодня электронных технологий обеспечивает широкие возможности для манипулирования в рамках тотальной биополитики, проявляющейся в первую очередь в фундаментально-образовательном, а также в общекультурном планах, что ведет к превращению индивидуума в удобную фигуру на шахматной доске игрока-манипулятора.

Ссылки:

1. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. 368 с.
2. Апресян Р.Г. Лукас Ван Лейден, Й. Хейзинга и пространство игры // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 116–128. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2018-18-2-116-128>.
3. Бычков В.В. Эстетика. М., 2004. 556 с.
4. Агамбен Д. Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. 256 с.
5. Там же. С. 12.
6. Там же. С. 167.
7. Там же. С. 170.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2016. 383 с.
9. Первушина В.Н., Савушкин Л.М., Хуторной С.Н. Тоталитарный феномен власти и его типология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2 (28). С. 22–36.
10. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 183 с.
11. Маклюэн М., Фиори К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2011. 219 с.
12. Фейербах Л. Сочинения: в 2 томах. Т. 2. М., 1995. 424 с.
13. Дебор Г. Указ. соч. С. 13.
14. Агамбен Д. Указ. соч. С. 99.
15. Там же. С. 108.
16. Там же. С. 102.
17. Там же. С. 13.
18. Дебор Г. Указ. соч. С. 63.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна